

Известия - 1992 - 14 марта - с. 2

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Всего-то 20 лет прошло со дня издания романа Набокова «Просвечивающие предметы», и вот теперь благодаря переводам А. Долинина и М. Мейлаха с ним впервые познакомится русский читатель.

За 20 лет, конечно, много воды утекло. Умер Набоков, а нынешний переводчик его Михаил Мейлах в полной мере испытал чашу страданий в ленинградской тюрьме, куда уехали его доблестные подручные партии за хранение «нелегального» Набокова и «тлетворного» Бердяева.

Теперь, когда кошмар, кажется, уже позади, позволим себе насладиться чистым искусством. Прочтем впервые один из последних романов Набокова.

Милый, добрый интеллигент Хью Персон влюбился на альпийском курорте в очаровательную американку-лыжницу. Долгие неуклюжие ухаживания, кабанье в гору с бьющимся в горле сердцем. И, наконец, как сказал Набоков, «он проник в её замок». А потом что-то невообразимое: пожар в отеле, и он с ней, задушенной собственными руками.

Возвращение из психушки после выздоровления. Тот же курорт, тот же отель. Хью Персон хотел бы вернуть возлюбленную. Для этого надо все повторить, как было в ту ночь. Он устраивает пожар и, видимо, гибнет в огне, идя сквозь огонь навстречу своей любимой. «Это, наверное, оно и есть: неглубокая физическая смерть, но иная, несравненно горшая мука, — таинственный ход, необходимый, чтобы душа из одного состояния бытия перешла в другое».

Таков финал. Конечно, он грустен. Любовь и смерть, любовь и безумие всегда рядом. Может, именно благодаря этому роману я вдруг особенно остро почувствовал, насколько прав был так и непонятый Достоевский, предостерегавший нас всех от избыточного доверия к человеку. У Набокова это сомнение переросло в конце жизни почти в уверенность. Человек не хозяин в собственном доме и потому весьма и весьма опасен. Розовая мечта гуманистов, что человек-де по своей природе добр и прекрасен, видимо, на исходе XX века уходит в прошлое.

Как ни странно, но из этого с немыслимой логикой следуют и политические выводы. Горькие грозды тоталитарных режимов, столь обильно разросшиеся в нашем столетии, почти все с привкусом личной патологии диктаторов. Правда, типаж менялся. В 30-х годах это обязательно человек в военной форме, жаждущий побед и стражений, начиная с 60-х — партийный бюрократ, застегнутый на все пуговицы, обильно приправ-

ляющий свою диктатуру гуманной лексикой.

Все равно неизбежно наступит страшная ночь и пожар в отеле, и кто-то из нас задушен.

Кого-то, возможно, удивит, что набоковский роман о любви и смерти пробудил во мне воспоминание о кровавой тбилисской ночи, когда женщин убивали лопатами. Это был конец мечтаний о добром царе. Неконтролируемая парламентская власть рано или поздно сорвется в бойню. Утром диктатор проснется и, как герой Набокова, ничего не будет помнить о той кровавой ночи, но рано или поздно ему захочется повторить

ВЕЩИЕ СНЫ НАБОКОВА

все сначала, и он обязательно подожжет наш отель, предварительно тщательно заперев все окна и двери, потому что так хочется вернуть задушенную возлюбленную — навсегда утраченную страну.

Я и сам удивился такому злободневному восприятию романа Набокова, но таково свойство чистого искусства. В отличие от прямой публицистики оно не связано с сиюминутной политической и потому всегда актуально.

Надо сказать, что даже очень известными своими романами Набоков, говоря словами Маяковского, «над родной страной прошел стороной, как проходит косой дождь».

Как только отпал запрет, захлеб прочли «Лолиту» и как-то смутились. Ближе нам оказался «Дар». Там Чернышевский высмеян, и поделом, за его полную глухоту к поэзии Фета. «Другие берега» тоже понятно, ностальгия по России, загубленной большевиками, воспоминание об отце — видном лидере партии кадетов.

Вот «Приглашение на казнь», где человека приговаривают к смерти за то, что он нематериален, — это уже сложнее. К тому же такой странный ритуал — преступник должен обязательно полюбить своего палача, обнявшись с ним перед казнью.

Глубже Набокова в смысл тоталитарного режима никто не проник. Давно ли у нас на площадях кипели ликующие толпы с плакатами «Слава КПСС». Изумленный Запад до сих пор не может понять, как могли мы столь мгновенно откатиться от горячей любви и, подобно герою «Приглашения на казнь», в самый торжественный момент рубки плюнуть на все и уйти прямо с красной плахи, где обижен-

ный палач до сих пор с недоумением посматривает на осиротевший топор. Когда же рубка?... Эмигрантская критика в основной своей массе Набокова отвергла. Ей казалось, что писатель равнодушен-де и не отзывчив на наши боли. Обвинения, как ни странно, похожие на обычный «боевой комплект» советского критика: уход от жизни, замкнутость на своем «я» (а надо, мол, на чужом), сложность и формализм. Кстати, над этим мы мало задумывались. Советская эстетика существовала не только в Советском Союзе — это было всеобщее помешательство.

Набоков будет возвращаться в Россию по мере нашего выздоровления. Когда утратится ин-

терес к уличным митингам и появятся цивилизованные формы парламентаризма, когда писатели от проблем приватизации и конвертируемости рубля обратятся к тому, ради чего существует настоящая литература, к проблеме любви и смерти, свободы и несвободы человека, т. е. к Набокову.

Достоевский, открывший представление в глубинах души человека, видел спасение только в своей православной вере.

У Набокова не было этого утешения. Испытав в детстве идеологический гнет иезуитского колледжа, он проникся стойким отвращением к любым посягательствам на свое «я».

На его могиле в Швейцарии нет никакой религиозной символики. Только имя. И все-таки у Набокова была своя религия. Он всю жизнь изучал причудливую окраску бабочек и твердо верил в «изумрудную скрижаль» Гермеса Трисмегиста, где еще в древности человеческая душа была уподоблена бабочке, томлящейся в коконе земного тела. Это не была вера в загробную жизнь. Скорей, это вера в бабочку.

Набоков не был реалистом. Он не верил, что реальность «дается нам в ощущениях», как об этом написано в советских учебниках. «В ощущениях» человеку дается только иллюзия. Что же касается реальности, то, может быть, ее и нет вовсе.

Он все время посмеивался над потугами реалистов показать в многотомных романах реальную жизнь. «Реальная жизнь» казалась Набокову то кровавой фантазмагорией, то феерией. Он не гнался за реальностью, он дарил нам свои сны, но сны оказались вещими.

Еще один роман Набокова вернулся в Россию.